

Для человека средневековой московской Руси Царьград (Константинополь) был столицей Византии, от которой он воспринял свою веру. Падение второго Рима под натиском иноверцев наделяло особой харизматической ролью третий Рим, Москву, и превращало русскую землю в единственное прибежище истинного православия. Мусульманский Константинополь стоял на пути русских праведников в Святую землю, которую они воспринимали сквозь призму событий Ветхого и Нового Заветов.¹⁸ С другой стороны, история вассала Порты, Крымского ханства, от набегов которого веками страдали южные земли, уходила корнями в катастрофу монголо-татарского нашествия на Русь. Казалось бы, идеология борьбы с Турцией должна была апеллировать к сакральному сознанию русского человека и его исторической памяти. Однако блистательные успехи российской восточной дипломатии и две победоносные русско-турецкие войны последней трети XVIII в. свершились под лозунгами «ревностной службы императрице и Отечеству» и «славы российского престола». Выстраданный веками сокрушительный удар по Порте был нанесен людьми екатерининского царствования, которые особенно не задумывались над концепциями третьего Рима и истинного православия. И в этом заключался еще один парадокс русской истории.

Разумеется, в текстах с яркой идеологической направленностью — высочайших манифестах, указах о награждениях, парадных одах, нотах европейским державам, торжественных богослужениях — отчетливо выражена мысль о высокой миссии России, духовной преемницы Византии в борьбе с «общим ненавистником имени христианского — оттоманским правительством». Этими же идеями было проникнуто и воззвание императрицы к балканским и «славянским народам православного вероисповедания, в турецком подданстве находящихся», а также знаменитый «греческий проект» Екатерины, предполагавший воссоздание под эгидой православной России греческой империи.¹⁹ Трон этой будущей державы, призванной противостоять мусульманскому миру, она предназначала родившемуся в период особенно жесткой конфронтации с Турцией внуку, которому дала знаковое имя Константин.

Высочайше заявленная символика была растиражирована в литературе того времени. В 1786 г. выходит «Описание Архипелага и варварийского берега» с посвящением великому князю Константину Павловичу: «Константин основал престол в Царьграде и посвя-

¹⁸ См. об этом подробнее, например: *Данциг Б. М.* Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973; *Иерусалим в русской культуре.* М., 1994, и др.

¹⁹ См.: *Елисеева О. И.* Геополитические проекты Г. А. Потемкина. М., 2000. С. 11—138; *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII—первой трети XIX века. М., 2001. С. 31—64.